

БАБУШКА И ВНУЧКИ

Александр Блохинцев

В свое время один из почтенных и знающих ленинградцев, просматривая мой очерк о Камилле Ле-Дантю и встретив там слова о том, что среди русских женщин, последовавших в Сибирь за декабристами, были две француженки — Полина Гебль и Камилла Ле-Дантю, заметил, что была и третья француженка — Е.Трубецкая, урожденная Лаваль...

Имя Екатерины Ивановны Трубецкой общеизвестно. Жена декабриста С.П.Трубецкого, она первая последовала за своим мужем в Сибирь на каторгу, тем самым бросив вызов Николаю I и поставив под сомнение в глазах общества правомерность его жестоких карательных мер по отношению к декабристам. Двадцать восемь лет она провела в Сибири и умерла там в сентябре 1854 года. Ее самоотверженность воспета в России Н.А.Некрасовым, во Франции — Альфредом де Виньи и в Польше — Юлианом Словацким.

Листая страницы многотомной «Истории XIX века», я встретил строчки, в которых известный

французский историк, он же почетный член Симбирской ученой архивной комиссии Альфред Рамбо писал: «Жена Трубецкого, француженка, урожденная де Лаваль, провожала его до Нерчинска».

Здесь автор не точен. Е.И.Трубецкая не провожала мужа до Нерчинска, а уехала вслед за ним навсегда. Далее: Лаваль — действительно французская фамилия, и в то же время Трубецкая была по матери русской.

Обратимся к Симбирску середины XVIII века. В то время здесь проживали семьи мещан Твердышевых и Мясниковых,

Екатерина Ивановна Козицкая
(урожденная Мясникова-
Твердышева)
1746-1833

обладавших огромными богатствами. Единственная сестра братьев Твердышевых — Татьяна Борисовна — вышла замуж за Ивана Федоровича Мясникова (он же Пустынников). Большой каменный дом Мясникова в Симбирске стоял на месте, где ныне находится суворовское училище. Изображение этого дома есть на гравюре старого Симбирска, выполненной по рисунку М.Махалева в 1770 году.

У Татьяны и Ивана Мясниковых было четверо дочерей. Младшая из них, Екатерина Ивановна (1746-1833), как и ее сестры, оказалась наследницей очень большого богатства.

Летом 1767 года в Симбирск приехала Екатерина II. Она остановилась в доме Мясникова. Омраченная убогим видом города, неоднократно страдавшего от периодически повторявшихся пожаров, императрица в то же время была удивлена тем, что в таком захудалом месте зреет столь богатая невеста, будущее которой, как ей казалось, не обеспечено должным выбором жениха. Самодержица сочла, что «несправедливость сия поправки требует».

В огромной и блестящей свите Екатерины II в Симбирске был скромный статс-секретарь Григорий Васильевич Козицкий (1727–1775). Выходец из обедневших дворян, он после окончания Киевской духовной академии был отправлен в Лейпцигский университет. Окончив там курс наук, Козицкий возвратился в Россию, состоял переводчиком при Академии наук, а потом стал статс-секретарем императрицы. Одновременно Козицкий был фактическим руководителем сложившегося в Петербурге объединения переводчиков — так называемого «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг».

В 1767 году в его переводе вышли три книги статей Дидро и Д'Аламбера из их «Энциклопедии». Кроме того, Козицкий редактировал еженедельный журнал «Всякая всячина», выходивший с участием императрицы, что для редактора было делом сложным и деликатным. Несмотря на то что Екатерина «хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски, она в слове из трех букв делала четыре ошибки». Вместо «еще» она писала «исчо». Можно себе представить, сколько усилий требовала правка рукописей этой царственной литераторши.

Итак, «несправедливость», отмеченная императрицей, была устранена, «поправка» сделана: Козицкий женился на Екатерине Ивановне Мясниковой. «В прида-

ное за женой получил... четвертую часть наследственных имений — около 19 000 крестьян и медные заводы, соделавшие дом его весьма знатным. Из Симбирских имений досталось ему Карсунского уезда село Папуза».

У Козицких были две дочери. Старшая из них, Александра Григорьевна, долго не находила подходящего жениха. Только в 1799 году она встретила понравившегося ей французского эмигранта Жана Франсуа Лавалья (1761–1846). Но ее мать, Екатерина Ивановна Козицкая, и слышать не хотела о таком женихе для своей дочери. Это дошло до императора Павла I, который потребовал от старшей Козицкой объяснения причин ее отказа в согласии на брак дочери. Козицкая объяснила, что Лаваль «не нашей веры, неизвестно откуда взятый и имеет небольшой чин». Тогда Павел I наложил на это резолюцию: «Он христианин, я его знаю, для Козицкой чин весьма достаточный, а потому обвенчать». И свадьба спешно состоялась, так как приближался пост.

Несколько позже Жан Франсуа Лаваль за порядочную сумму денег получил от беглого короля Людовика XVIII титул графа. Так огромное приданое своей жены он увенчал высоким титулом.

Типичный француз, начитанный, остроумный и общительный, Лаваль интересовался науками и литературой, являлся членом Главно-

го училищного совета, «что не помешало ему быть гонителем просвещения и союзником Рунича и Магницкого».

По проекту знаменитого архитектора Тома де Томона на Английской набережной Петербурга, рядом со зданием Сената, Лаваль построил роскошный особняк, скульптуры и мрамор для которого привезли из Рима. Это был один из богатейших домов Петербурга, где собиралось светское общество на блестящие балы. Одним из участников этих балов был А.С.Пушкин. Весной 1818 года он прочитал в доме Лавалья свою знаменитую оду «Вольность». Пушкин был знаком со всеми членами семейства Лавалей, и ныне этот дом является одним из мемориальных пушкинских мест.

Александра Григорьевна Лаваль-Козицкая (1772–1850), не в пример своей матери, простой и неученой симбирянке, была хорошо воспитана и достаточно образованна. Заботясь об обрушении своего мужа, она звала его Ванечкой, а для других — Иваном Степановичем. Поэтому четыре их дочери — Екатерина, Зинаида, Софья и Александра — получили отчества «Ивановны». Первая из них вышла замуж за князя Трубецкого, вторая — за австрийского посла графа Лебцельтерна, третья — за графа Борха, а четвертая — за графа Коссаковского.

Тезка своей бабушки-симбирянки Екатерина

Ивановна Трубецкая своим подвигом увлекла за собой лучших женщин-декабристок. Отдавая дань уважения благородным побуждениям и действиям этих женщин, известная революционерка Вера Николаевна Фигнер, спустя сто лет говоря о Трубецкой, подчеркнула такую деталь, что Екатерина Ивановна во дворце своей матери «ходила по мраморным плитам императора Нерона, купленным старой графиней в Риме». А задолго до этого М.Н. Волконская, также говоря о Трубецкой, заметила, что, приехав в Сибирь, княгиня первое время ютилась в хижине, где, ложась спать, головой упиралась в одну стену, а ногами — в другую. Все это говорит о том, чего стоил подвиг декабристки.

Примечательно, что, высоко оценивая как подвиг декабристов, так и самоотверженность их жен, В.И. Ленин в субботний вечер 22 января 1921 года, только что возвратившись из Горок, подписал протокол заседания Совнаркома, где одним из рассмотренных вопросов было назначение персональной пенсии повышенного размера дочери декабриста Трубецкого Зинаиде Сергеевне Свербеевой, родившейся и выросшей в Сибири.

Родная сестра Екатерины Трубецкой Александра Ивановна Коссаковская была одной из образованнейших русских женщин. Близко знакомая со многими

крупными деятелями культуры Западной Европы, она информировала их о положении в России, о ее культуре и состоянии общественного мнения. Коссаковская неоднократно бывала во Франции. В 1845 году в Париже она познакомилась, а потом и подружилась с выдающимся поэтом Альфредом де Виньи. Последний проявлял большой интерес к России, ее истории и культуре. Он высоко ценил поэзию А.С. Пушкина, знал многих представителей русского общества. А.И. Коссаковская рассказала поэту историю своей сестры. Этот рассказ произвел большое впечатление на де Виньи. Несколько позже Альфред де Виньи написал один из шедевров французской поэзии — поэму «Ванда», в которой рассказал о России, о декабристах и о судьбе Екатерины Трубецкой.

Сравнительно недавно в Вильнюсском госархиве были обнаружены письма Альфреда де Виньи к А.И. Коссаковской. Двенадцать писем выдающегося поэта Франции... на ста пятидесяти страницах! Это говорит о незаурядности Александры Ивановны Коссаковской, представлявшей интерес для поэта.

Другая сестра Екатерины Трубецкой — Зинаида Ивановна Лебцельтерн — была музыкально одаренным человеком и блестящей пианисткой. Своей игрой она украшала салоны Петербурга. Чтобы

послушать ее исполнение, специально собирались гости, и в том числе А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев и другие.

Зинаида Лебцельтерн оставила записки, посвященные своей сестре Екатерине Трубецкой. В записках, в частности, говорится о том, что муж Зинаиды Ивановны, граф Лебцельтерн, по требованию Николая I был отозван австрийским правительством с поста посла в Петербурге «за укрывательство государственного преступника» — декабриста С.П. Трубецкого, нашедшего приют в доме родственника.

Екатерина Ивановна Козицкая — симбирская мещанка, дочь «мужика», — тоже оставила след в общественной жизни того времени. В светских кругах Москвы и Петербурга старуха Козицкая была довольно популярной фигурой. «Умная и энергичная женщина, с характером твердым и решительным, она обладала большим тактом... не зная ни слова ни на одном иностранном языке, она держала себя с большим достоинством и в самых чопорных кружках вела беседы с иностранными дипломатами при помощи своих внучек».

Так, потянув лишь одну ниточку родственных связей симбирян Мясниковых-Твердышевых, мы встретились с лицами и событиями, имевшими общероссийское значение.